

Сакура в саду Дунъян еще не успела расцвести — лишь розовато-белые бутоны теснились меж ветвей, словно застенчивые девочки, прячущиеся от чужих глаз.

Ранние лотосы, напротив, уже выпустили несколько редких цветков, покачивающихся на ветру. Листья лотоса плотно сплелись в сплошной ковер, источая тонкий растительный аромат. Впрочем, стоило проходим на каменном мостике потревожить этот воздух, как от нежного запаха оставалось лишь едва уловимое, странное амбре.

Стоя в тени у входа в парк, Бай Янь с томной грацией поправляла волосы и жаловалась Фэйхуа:

— У матушки совсем мозги отшибло? В такую жару заставлять нас стоять здесь и вялиться, как сушеную рыбу?

Фэйхуа затянулась сигаретой и равнодушно бросила:

— Говори по-человечески, я — северянка, ваших южных наречий не разумею.

Бай Янь покосилась на нее:

— У тебя что, тоже мозги набекрень? — подшутив, она перешла на официальный тон: — Кто вообще надоумил матушку выставить нас в саду на всеобщее обозрение? Вернусь — в клочья ее порву!

— А по-моему, неплохо, — заметила Фэйхуа. — Слышала ведь, что муж одной дамочки именно в саду клюнул. Денег не жалел, одаривал ее украшениями и мебелью, заказы до самого следующего года расписал. Вот только стоять здесь и правда досадно — прямо как девицам легкого поведения у мясной лавки.

Бай Янь язвительно усмехнулась:

— А какая разница? Разве мы не на продажу выставлены?

Фэйхуа взглянула на нее:

— Ты от жары с ума сошла? — Она небрежно взяла газету, обмахнула подругу и спросила: — Рана еще болит? Не забудь попросить служанку помазать еще раз, средство очень помогает.

Бай Янь изо всех сил постаралась не думать о шрамах, скрытых под ципао:

— Не болит. Разве не ты говорила: если не думать, то и болеть не будет?

Не успела она договорить, как Фэйхуа что-то вспомнила, развернула газету и протянула подруге:

— Забыла сказать, твой новый знакомый нашелся.

Бай Янь мельком взглянула:

— Что еще за... А? — она выхватила газету.

Это была местная газета «Вэньцзян жибао». В колонке новостей образования красовался небольшой снимок с подписью: Известный в нашем городе промышленник, бывший председатель Торгово-промышленной палаты Му Фуцянь, сообщает, что его сын Му Юнь вместе с сестрой вернулись на родину после окончания Американского университета со степенями бакалавров...

— Му Юнь? Му Юнь? — Бай Янь была озадачена. — Молодой господин Цуй лично мне говорил, что того человека звали Му Син. И детали сходятся: учился в Америке, недавно вернулся... Если он действительно сын господина Му, почему в газете написали только про Му Юня?

Фэйхуа придвинулась ближе:

— А вдруг тот мелкий негодяй просто наврал?

— Невозможно, — уверенно отрезала Бай Янь. — Его наряд... если бы он не был по-настоящему богат, он бы ни за что не смог так одеться. Да и господин Цуй не распознал в нем самозванца.

— Эх, жаль, — Фэйхуа указала на крошечную фотографию. — Думали, нет звезды, так хоть облако будет, а погляди — у него уже и спутница есть. Даже на таком размытом снимке видно, что пара хорошая. И он статен, и она красавица.

На снимке, отпечатанном с плохой пластины, лица были едва различимы. Второй молодой господин семьи Му выглядел статно, а рядом женщина чуть пониже ростом держала его под руку. Она была модно одета, и они действительно смотрели друг на друга с нежностью.

Но как ни крути, на этой фотографии, да и во всей статье, не было ни единого упоминания о третьем сыне Му.

Поразмыслив, Бай Янь добавила:

— Помню, господин Цуй говорил, что положение этого Му Сина в семье Му довольно щекотливое, что он приемный. Может, это внутренние разборки? Он не хочет или не может привлекать к себе внимание?

— Кто ж его знает? Забудь. Кстати, раз ты рассталась с господином Цуем, есть еще кто на примете? — спросила Фэйхуа. — Ты и сама прекрасно понимаешь: матушка не хочет загонять тебя в угол, она лишь хочет использовать имя того высокопоставленного покровителя, чтобы поднять твой статус. Но прошло уже полгода. Еще пара месяцев, и кому будет дело до того, приемная ты дочь советника губернатора или чья-то мать? Ты же знаешь методы матушки. Ты еще молода, не дай себе... закончить так же, как мы, сгнить в этой сточной канаве.

Бай Янь прищурилась, глядя на приглядывающих за ними служанку и вышибал, но промолчала.

Помолчав, Фэйхуа продолжила:

— Через пару дней у меня будет приглашение на танцы. Пойдешь со мной, там будут мальчишки из мужской школы — всяко лучше, чем никого.

Бай Янь лишь тогда сменила тон, подшутив:

— Ты со своим директором школы и так в большой любви.

— Хм, тянем как-нибудь, — Фэйхуа стряхнула пепел с сигареты и вдруг подняла глаза, заметив группу девушек-студенток, идущих им навстречу.

Веселые, хохочущие девчонки, свежие, как персики, едва тронутые румянцем, подражали женщинам: надели ципао, неуклюже цокали каблуками, красили губы в красный цвет. В их невинности уже проскальзывало нечто чувственное.

Девушка во главе группы была самой красивой. Она гордо задрала подбородок, завитые локоны на лбу подпрыгивали при каждом шаге. Зеленое платье делало ее похожей на гордый цветок, источающий аромат, а в глазах играла улыбка — ровно до тех пор, пока она не перевела взгляд на двух женщин в углу. Улыбка мгновенно сползла с ее лица.

— Ой, какие красивые женщины! — прошептала одна из студенток.

— Гляньте на ее серьги! Должно быть, очень дорогие...

Услышав завистливые слова подруг, Ли Инин почувствовала, как внутри закипает гнев.

Кучка ведьм, бесстыдницы! Средь бела дня пришли сюда охмурять мужчин, только место позорят!

Она смерила взглядом женщин неподалеку и насмешливо бросила:

— Женщины из публичного дома — конечно, они будут красивыми!

Статус Ли Инин был неоспорим, и ее подруги привыкли во всем ей потакать. Хотя она порой бывала язвительна, они никогда не слышали, чтобы она говорила с такой желчной яростью. Девушки переглянулись и притихли.

Ли Инин больше не проронила ни слова. Группа молча прошла мимо. Как только они поравнялись с воротами сада, женщина с сигаретой вдруг выпустила облако дыма и громко запела:

— Попросила я шелк из У купить, к чему же спрашивать о длине? Привыкла я в объятиях милого быть, вот и меряю его нежность в глубине...

Голос звучал протяжно и звонко. Мужчины, сидевшие неподалеку, начали двусмысленно посмеиваться, а кто-то даже присвистнул.

Бай Янь чуть не разорвала газету от испуга. Она прикрылась ею и украдкой взглянула на студенток: все они густо покраснели от стыда, а девушка во главе группы смотрела на Фэйхуа так, будто готова была ее проглотить.

Под пристальным взглядом Ли Инин Фэйхуа невозмутимо курила. Наступило долгое молчание, после чего Ли Инин развернулась и зашагала прочь, а перепуганные студентки поспешили следом.

Бай Янь расхохоталась:

— Похоже, это ты от жары окончательно с ума сошла!

<http://bllate.org/book/19079/1873720>